

ПТИЦА

(Быль первая: муниципальная)

История, которую я хочу вам сегодня рассказать, произошла в две тысячи пятнадцатом году в одном из небольших сибирских городков. Слышал я её из уст свидетелей и участников этих драматических событий.

Итак, однажды в городе Н. случился юбилей у градоначальника. На юбилей, как и положено, градоначальника засыпали подарками. Равно дорогими, но не равно полезными. Одним из таких дорожущих, но бесполезных в быту подарков юбиляру была преподнесена деревянная птица. Три пуда весом. Каждое крыло по метру. Между крыльями – тушка примерно полметра. Ну и в длину тоже не слабая.

Градоначальник какое-то время думал: «Куда это чудище девать? Выбрасывать неудобно, да и жалко: вещь дорогая, красивая. Но вешать её в дом, извините меня...»

И градоначальник сделал щедрый жест – передал птицу в управление соцзащиты, с распоряжением: подарить какой-нибудь малообеспеченной семье, которой самой ни в жизнь такую хорошую птицу не купить.

Перед соцзащитой города Н. встала серьёзная проблема. Куда деть эту птицу? Кому её благотворительно втюхать?

Происходили примерно такие сцены.

В кабинет соцзащиты заходит многодетная мать:

- Мне бы материальную помощь выписать.
- Деньгами помочь пока не можем. Вот птицу, если хотите, берите.
- Какую птицу?
- Ну вон, в углу стоит.
- Где?.. О господи! – Хватается за сердце. – Куда она мне? Мне бы денег маленько.
- Денег пока нет. Возьмите птицу.

Но никто птицу не брал. Она занимала почти полкабинета, мешала, пугала случайных посетителей да ещё и стояла на балансе как материальная ценность.

К тому же градоначальник в любой момент мог поинтересоваться: что там с его даром малообеспеченным и социально незащищённым? Кто его получил? Довольны ли получатели? Счастлива ли оптиченная семья и на сколько процентов больше она теперь любит своего градоначальника?

Надо было срочно что-то решать. И решили! В ведении соцзащиты находился городской детский дом. Туда и притащили птицу.

В присутствии журналистов привинтили её на стену в фойе, поставили табличку с надписью: «Дар градоначальника имярек», сказали громким голосом:

– Дети, вот вам птичка в подарок! Ну, дети, что надо сказать?

– Спасибо, – недружно пролепетали дети, глядя шалелыми глазами на чудище – два с половиной метра в размахе крыльев.

С первой же ночи возникли страшилки о том, что эта птица по ночам срывается со стены и улетает убивать людей. Страшилки ползли из спальни в спальню, ночь от ночи обрастая новыми деталями.

Дети стали бояться выходить в фойе. Некоторые боялись даже спать по ночам. А которые засыпали, то иногда вскакивали с криком от приснившегося кошмара: им снилось, как страшная птица из фойе хочет их схватить и заклевать.

Обеспокоенные работники детского дома сняли птицу со стены и оттащили в подвал.

Стало ещё хуже.

Спрятанная в мрачном подвале жестокая птица пугала малышей больше, чем открыто висящая на стене. Ведь теперь, свободная от наблюдения, она могла вылетать на свою кровавую охоту не только ночью, но и днём.

Дети были напуганы, педагоги озабочены, а психолог детского дома заявила, что если птицу не удалить как можно быстрее и как можно дальше, то последствия для психики детей, она, психолог, предсказать не берётся. И посоветовала: вытащить птицу из подвала, изрубить и сжечь. На глазах у детишек.

Хорошо бы! Но как это сделать? Птица – материальная ценность, на ней инвентарный номер, она, зараза, больших денег стоит. Невозможно имущество, стоящее на балансе, вот так просто взять и уничтожить.

По этому вопросу завязалась оживлённая переписка между детским домом и управлением соцзащиты.

Детский дом слёзно молил забрать у них птицу. Управление соцзащиты было немного удивлено последствиями своего дара, но ума не могло приложить, куда им птицу деть. О чём честно и написало в детский дом.

Детский дом предложил: передать птицу ещё кому-нибудь в дар. Например, какой-нибудь школе.

Управление соцзащиты обеими руками было за то, чтобы передать птицу школе. Но вот беда: школы-то находились не у соцзащиты, а в ведении управления образования.

Значит, предстояло переводить птицу с баланса на баланс. Что без согласия получателя сделать было невозможно. Да и с согласием крайне муторно. Тысячу всяких бумаг заполнить надо.

Но здесь и согласия не было. Управление образования, осмотрев птицу, категорически отказалось её принимать.

– Кто эту кикимору сделал, тот пусть себе домой её и вешает, – сказали работники образования.

– Но у нас тут дети! – воскликнули работники детдома. – Они ж боятся! Мы ж за них отвечаем! Войдите, пожалуйста, в положение.

– У нас тоже дети. Мы тоже за них отвечаем, – ответили работники образования, сели в машину и уехали.

Тогда директор детского дома в качестве последней меры защиты детей, вверенных её опеке вместе с их неокрепшей пока нервной системой, устроила скандал начальнице управления соцзащиты.

Начальница управления соцзащиты некоторое время стойко отбивалась от своей оптической подчинённой, пока та в конце концов не пообещала доложить обо всём главе города.

Вот уж чего соцзащите вовсе было не нужно. Если градоначальник узнает, что его с кровью оторванный от сердца дар соцзащиты так и не может пристроить, то он обидится и спросит: «Почему?».

Не скажешь же в ответ: «Да потому, что ваша, Имярек Имярекович, птица никому не нужна и вообще представляет опасность для психики как одаряемых, так и работников соцзащиты».

В общем, начальница управления соцзащиты клятвенно пообещала директору детского дома, что в течение суток заберёт птицу.

Сказать-то легко, а как сделать? Думала-думала начальница управления соцзащиты, и наконец её осенило. В городе Н. было управление благоустройства. А начальником благоустройства работал старый, со школы ещё, друг начальницы соцзащиты.

Вот ему-то она и позвонила.

– Вить, – попросила она, – заведи у меня птицу.

– Какую птицу?

– Ну ту, помнишь, я тебе рассказывала?

– А на фига она мне?

– Повесишь куда-нибудь. Красиво будет. Помоги, Вить.

И она рассказала ему про страдающих детей.

– Выручи, Вить. А бумаги задним числом оформим. Только заведи её прямо сегодня.

Что подделать: дети – это святое, а помощь одноклассникам – святое вдвойне. Через пару часов «Газель» управления благоустройства увозила в открытом кузове птицу из детского дома.

Вслед «Газели» смотрели из окон бледные личики детишек. Они хотели убедиться, что чудище из подвала уехало от них навсегда. В эту ночь они спали спокойно.

А птицу начальник благоустройства распорядился закрепить над входом в свою контору. Её закрепили на стене между вторым и третьим этажом. И она красиво и величаво парила, осеня входящих своими могучими крыльями.

Три дня.

На четвёртый день птица оторвалась и рухнула с пятиметровой высоты на машину начальника благоустройства. Всеми своими тремя пудами.

– Так, – сказал вышедший на шум начальник благоустройства, – это вот всё...

Дальше он обрисовал открывшуюся ему картину словами абсолютно адекватными ситуации, но в литературе обычно не употребляемыми. Поэтому пропустим с сожалением выразительную речь начальника благоустройства и перейдём к тому моменту, когда на место происшествия прибыла вызванная растерянными работниками благоустройства ГИБДД.

– На птице – инвентарный номер, – после осмотра места происшествия сказали сотрудники ГИБДД начальнику благоустройства. – Наверно, по нему как-то можно собственника установить.

– Спасибо, – ответил им начальник благоустройства, достал трубку и набрал начальницу соцзащиты.

– Лена, – обратился он, – а ты на свою птицу случайно «автогражданку» не оформляла?

– Нет, – не поняла та. – А зачем?

– Тогда нам с тобой звездеч, – сказал начальник благоустройства и поведал школьной подружке, как только что вверенное ей муниципальное имущество уничтожило вверенное ему муниципальное имущество.

Растерявшись, начальница соцзащиты не нашла ничего умнее как спросить:

– А птица цела?

Начальник благоустройства мысленно попросил бога даровать ему терпения и, получив от небес просимое, максимально спокойно ответил:

– Нет, птица не пострадала.

Тут у начальника благоустройства божий дар внезапно иссяк, и он проорал в трубку:

– Да что с твоей корягой могло случиться?! Её хоть с самолёта сбрасывай! Тебе на голову!

А стоит знать, что в критических ситуациях женский мозг становится особенно изворотлив. Поэтому, пока начальник благоустройства выкрикивал в трубку риторические вопросы типа «зачем он связался с этой птицей, и с этой соцзащитой, и лично с начальницей соцзащиты», сама начальница уже пришла в себя

– Витя, орать кончай и меня послушай. Если глава узнает, что мы его птицей расхреначили муниципальную машину, вот тогда нам точно конец.

– И чё делать?!

– Не ори, я сказала. Доложи, что на машину упала сосуля.

– Какая, на хрен, сосуля?!

– Так Питер сосульки называет.

– Какой, к чёрту, Питер?!

– Город-герой, блин! На Неве! Ты совсем там, что ли? И хватит орать на меня!!!

Начальник благоустройства помолчал, подумал, потом спросил:

– Умная, а с ГИБДД как предложишь быть?

37 Там же протокол.

– Поговорю я с ГИБДД. Переделают они протокол. Напишут: «Сосуля».

Начальница соцзащиты так уверенно это пообещала потому, что начальник ГИБДД города Н. был её однокурсником и другом по универу. Должен же он навстречу пойти.

Он и пошёл. Протокол осмотра места происшествия был переделан. Теперь машина официально погибла от упавшей сосульки. Птица перекочевала обратно в соцзащиту. И вроде всё затихло. Но ненадолго.

Тамошний губернатор направил по городам и районам вверенной ему губернии строгую телеграмму, требующую от местных властей как можно тщательней обеспечить переход своих территорий из зимы в весну. Особое внимание губернатор обратил как раз вот на сосули. Чтоб смотреть в оба глаза! Чтоб под личную ответственность! Чтоб не дай бог не пришибло никого!

Примерно через пару дней ему на стол положили информацию, что всё-таки пришибло. В городе Н. Невзирая на все губернаторские телеграммы.

И пришибло машину именно того, кто в городе Н. и отвечает за непришибание граждан сосульями.

На ближайшем аппаратном совещании с главами городов в режиме видеоконференции губернатор поделился этой вестью, можно сказать, со всем регионом. В прямом эфире.

Потом, отложив листок со сводкой в сторону, губернатор тихо сказал, что лично для него этот случай служит явным доказательством существования бога. И что он, губернатор, жалеет только об одном: почему в момент обрушения сосули в этой машине не сидел сам глава города Н. со своим начальником благоустройства. Но этот недосмотр божий можно легко исправить, так как у него, губернатора, имеется для таких вот глав городов кой-чего и потяжелее сосулей. И что если через два дня в городе Н. останется на крышах хоть одна сосуля, то глава этого города проклянет не только сам момент своего рождения, но и ту постель, на которой его, главу города, родители делали.

Как только потух экран видеосвязи, глава города Н. потребовал себе кофе и начальника благоустройства. Кофе чтоб был крепкий, а начальник благоустройства любой: живой или мёртвый.

Начальник благоустройства был живой, о чём и пожалел буквально через пару секунд после того, как вошёл в кабинет главы.

Глава орал часа два. С перерывами, конечно, он же не магнитофон.

Рёв стоял такой, что отдельные фразы были слышны даже в приёмной, несмотря на двойные двери.

– Развёл там у себя полную контору осьминогов!!! У всех руки из чего!!! На крышу, на крышу!!! Лично сосульки сбивать!!! Жить там!!! Как Карлсон с моторчиком!!! Упаси бог, упаси бог, если я тебя в эти дни на земле, а не на крыше увижу!!!

Когда бледный и сосредоточенный начальник благоустройства появился у себя в конторе, ему прямо в коридоре наперерез кинулась главный бухгалтер:

– Виктор Иванович, я хотела насчёт той птицы...

– Что насчёт птицы?! – визверился Виктор Иванович. – Не говорите вы мне про эту птицу!!!

– Как это «не говорите»? – возмутилась главбух. – Она у меня на балансе. Скоро инвентаризационная проверка из КУМИ. А где сама птица-то?

– Как на балансе? – оторопел начальник благоустройства.

– Так. Вы же сами распорядились. Всё. Её нам перевели.

Тут начальник благоустройства уяснил, наконец, ситуацию. Оказывается, пока творились все эти дела, бюрократические колёсики, запущенные им вместе с начальницей соцзащиты, крутились там себе внутри мэрии и крутились, бумажки туда-сюда ходили, визы ставились, распоряжения издавались. И птица юридически перешла во владение управления благоустройства. А фактически где она?

Начальник благоустройства схватился за телефон.

– Ленка... – сказал он.

– Витя, бедненький, – заворковала в трубку уже знавшая обо всём начальница соцзащиты. – Ну прости меня, подлюю. Кто ж мог знать, что так всё выйдет?

– Да фиг с ним. Лен, где птица?

– А зачем она тебе? Сжечь, что ли, хочешь со злости?

– Да она же на мне теперь числится.

– Ой!

– А у меня проверка на носу.

– Ой-ой!

– Чё «ой-ой», Лена? Давай вези мне птицу обратно.

– Не могу, Вить. Она теперь в городе Ю.

– А чё моя птица делает в Ю.?

– Юношеский военно-патриотический лагерь украшает. Вить, тут смотри какое дело...

И начальница соцзащиты поведала такую историю.

В тот раз, когда птица вернулась к ней с руин автомобиля благоустройства, вместе с птицей вернулась и проблема: куда ж её, заразу девать, в конце-то концов. Ну не вечно же эту дуру здоровенную в соцзащите держать. И без неё тесно.

А одна из сотрудниц соцзащиты тут и подсказала выход: передать птицу в военно-патриотический детский лагерь соседнего города Ю. Местной муниципальной юношеской военно-патриотической организацией, дескать, руководит её знакомый. Он возьмёт с удовольствием.

Ну и ладушки! Птицу отправили в Ю. Так что теперь она там.

Начальник благоустройства схватил в охапку документы на птицу, запрыгнул в «Газель» (он теперь по известной причине на «Газели» пере-

двигался) и помчался в Ю. Благо он в двух шагах от Н.

А там, в Ю., с птицей было так. Начальник всей военно-патриотической молодёжи, назовём его... ну пусть Сам Самыч... птицу встретил с радостью. Как только он её увидел, то сразу понял, что именно такой птицы и недоставало молодёжи Ю. для патриотизма.

По его распоряжению птицу тут же прикрепили на ворота военно-патриотического лагеря. А так как Сам Самыча лично начальница соцзащиты города Н. предупредила, что птица имеет свойство падать в неподходящее время и на неподходящие объекты, то Сам Самыч закрепил птицу на совесть. Сварка, анкера, бетон, все дела. Потом птицу украсили ленточками с триколором и, поскольку на носу было семидесятилетие Победы, щедро добавили к узору ленточек георгиевских.

Разукрашенная птица гордо парила на воротах лагеря, вызывая глубокие военно-патриотические чувства у военно-патриотической молодёжи. Но не у всей.

Это выяснилось когда Сам Самыча как-то ближе к концу рабочего дня вызвали к главе города Ю.

Когда Сам Самыч вошёл, то увидел главу, грустно смотрящего в ноутбук.

– А, явился, – поднял глава глаза на Сам Самыча. – Ну-ка иди сюда. Полюбуйся.

Сам Самыч подошёл и посмотрел на монитор.

Он увидел там сайт «ВКонтакте». И фотографию, разделённую на две части. В левой части было фото его птицы, в правой части – фото птицы с личного штандарта Германа Геринга.

Птицы были абсолютно одинаковы. Как две капли воды.

Если не смотреть на размеры, триколоры слева и свастику справа.

– Сам Самыч, – печально вздохнул глава, – вот почему у тебя вечно что-то подобное происходит? В тот раз ты умудрился поздравить ветеранов войны с годовщиной разгрома советских войск на Курской дуге. Ещё и открытки с таким текстом разослал.

– Это помощница напутала.

Сам – Наших с немцами перепутала, да? Она у тебя кто? А сам-то ты у нас, Сам Самыч, кто? Что-то у меня начинает возникать ощущение, что ты скрытый фашист. Ты мне там из

молодёжи гитлерюгенд готовишь, что ли? Ну почему мы всем городом из-за тебя опять посмешище-то?

Самыч открыл было рот, но глава жестом заткнул его и поднялся во весь свой гренадёрский рост.

– Значит так. Что с тобой делать, это мы после праздников на коллегии решим. А сейчас, – глава повысил голос, – не есть, не спать, но чтоб к утру вот эту фигню демонтировать и выкинуть! Всё! Свободен, патриот хренов!

Самыч Самыч вернулся к себе в военно-патриотическую ставку. Там его уже поджидал начальник благоустройства из Н.

– Накладка вышла, – сказал начальник благоустройства. – Птицу вам по ошибке отдали. Вернуть надо. Она моя.

– Ты Герман Геринг, что ли? – буркнул Сам Самыч.

– При чём тут Геринг?

– А при том, что птица твоя – точная копия птицы со штандарта Германа Геринга.

– Да ну?! – удивился начальник благоустройства этому новому свойству птицы. А потом спросил: – А на кой тогда ты её на ворота повесил да ещё и триколором украсил? – случайно ткнул он в больное место. – У тебя тут гитлерюгенд, что ли?

– Забирай свою птицу! – заорал Сам Самыч. – И чтоб к вечеру духу её здесь не было! А то я на тебя в ФСБ напишу. Сядешь за распространение фашистской символики.

– Вместе и сядем, – ответил ему начальник благоустройства и направился за птицей.

Тем временем в городе Н. глава тоже увидел «ВКонтакте» эту картинку. И вызвал к себе начальницу соцзащиты.

– Смотрите, Елена Антоновна, что в Ю. учудили. На мою птицу похожа, да?

– Похожа, – вздохнула Елена Антоновна.

– Ну точно похожа, – продолжал вглядываться глава. – А наша-то где? Я в газете читал, вы её в детский дом передали?

– Передала, – согласилась начальница соцзащиты.

– И как?

– Рады все. Нравится детям очень.

– Ну и хорошо, – сказал глава.

Потом его лицо вдруг слегка омрачилось.

– Только вот, Елена Антоновна, птица-то эта

какая-то немецко-фашистская получается. Скандала не будет?

– Да откуда там кто узнает?

– Ну из интернета. Вот же картинка.

– Нет там никакого интернета.

– А-а-а, – успокоился глава. – Тогда ладно.

Только вот... – лицо его опять омрачилось. – А почему это у нас в детском доме интернета нет? Елена Антоновна, это ж ваше упущение. Ну что за проблема в наше время интернет-то провести? Исправьте. Немедленно исправьте.

– Исправлю, – покорно согласилась Елена Антоновна, мечтая, чтобы этот опасный разговор про птицу поскорей закончился.

– Ну вот и хорошо, – сказал глава. – Идите, работайте.

И она пошла работать.

Интернет в детский дом был проведён.

Проверка никаких недостатков имущества в управлении благоустройства не обнаружила, хотя птице удивилась.

Дневать и ночевать начальнику благоустройства на крышах города тоже не пришлось. В порядке у него всё было и с крышами, и с сосульками.

В городе Ю. сразу после майских праздников поменяли ответственного за военно-патриотическое воспитание молодёжи. Не знаю, как у них там с военным патриотизмом, но с антуражем стало всё в порядке. Правда название «гитлерюгенд» теперь, наверно, навсегда приклеилось к военно-спортивному лагерю.

А градоначальник города Н. так и не узнал, что причиной клизмы из патефонных иголок, прилюдно вставленной ему губернатором, послужила никакая не сосуля, а его собственная подарочная птица.

Если вам, читатель, эта история показалась выдумкой, плодом моей разошедшейся фантазии, значит, вы никогда не работали в российских муниципальных структурах. А тот, кто там работал, без труда вспомнит с десяток историй и позабористей, чем только что вами прочитанная.

Так вот и живём. И ничего, как-то всё это работает. Наверно, и правда бог есть.

ПЛАЦЕБО

(Быль вторая: лечебная)

Историю одну хочу рассказать. Был у меня приятель. Врач. Одних со мной лет. Родом он с Полтавы, где-то в тех краях и медицинский

окончил. А как и почему он в Кемерово оказался, того не знаю. Да и не важно это. Как и где мы с ним познакомились, тоже не важно. Да и не припомню толком уже. Наверно, на вечеринке какой-то. Стали мы с ним общаться. Сдружились более-менее. Любили эдак посидеть хорошо, выпить, поговорить о том о сём. Он умный был человек, с ним интересно общаться.

И вот как-то раз в пятницу по лету сидим мы у него дома, обсуждаем, как бы нам эту самую пятницу провести. Так, чтобы с вредом для тела, но с пользой для души.

И тут ему звонок на мобильный. Он берёт трубку, смотрит на экранчик, хмыкает как-то странно, жмёт кнопку и говорит:

– Да, Анастасия... Да-да, я это, говорите... И что? Да вы что?!. Ого!.. Сейчас приду... Успокойтесь, пожалуйста, я уже иду. Я дома... Да-да, прям сейчас иду.

Потом жмёт кнопку отбоя, кладёт трубку в карман и мне говорит:

– Пошли. Тут пациентке моей что-то дюже плохо. Дочка её позвонила.

– Далеко, – спрашиваю, – идти-то?

– Да не, – говорит, – тут через двор.

Пока через двор шли, я ему говорю:

– Слушай, если ей плохо, чего она тебе звонит-то, а не в скорую?

– А она, – отвечает, – никаким другим врачам не верит. Только мне.

– Чего так? – спрашиваю.

– А мы, – говорит, – с ней одной национальности.

И смотрит на меня усмешливо.

А национальность, надо сказать, у моего знакомого была библейская. Нет, не филистимлянин. Наоборот.

Ладно. Прошли мы через двор, подошли к хрущёвке. Приятель мой в домофон позвонил. Сразу же в ответ «пилик-пилик» раздалось, и дверь открылась.

– Вот, – он мне говорит, – так врачи на скорой сразу различают, серьёзный вызов или нет. Если серьёзный, то в домофон никто никогда не спрашивает: «Кто там?». Сразу открывают.

– Здесь, – говорю, – сразу открыли. Стало быть, серьёзно.

– О-о-о, – говорит, – здесь очень серьёзно. Здесь всегда очень серьёзно.

Поднялись на четвёртый этаж. Там дверь квартиры открыта, в неё женщина выглядывает. Средних лет. Лицо испуганное.

– Что такое? – приятель мой спрашивает.

– Ну перепутала она лекарства ваши, – отвечает женщина, а в голосе слеза чувствуется. Да и на глазах, кажется, уже слёзы.

– Да как же вы так? – приятель мой аж руками развел сокрушённо.

– Ну вот, не уследила, – и женщина всхлипывает.

– Ну-ну, – приятель её успокаивает. – Сейчас посмотрим.

И, не разуваясь, идёт вглубь квартиры. Я за ним. Квартира четырёхкомнатная, нам в дальнюю спальню пройти пришлось.

Там больная и лежала. Небольшая такая бабушка. Седая. И даже мне, хоть и не врач, с первого взгляда стало ясно, что бабушке плохо. Очень плохо.

Хрипит, задыхается. Лицо побелевшее. Вот почти как бумага. Я такое первый раз видел. Раньше-то думал «побелевшее лицо» – это фигура речи такая. Оказалось, никакая не фигура. Ещё как белеют люди.

Мой приятель тем временем на постель присел и строго говорит:

– Я ж вам велел эти таблетки по вечерам принимать, а вы утром. Сколько таблеток приняли?

– Одну, – бабулька отвечает. – Только одну.

И рукой показывает на журнальный столик. А там пакетик целлофановый лежит, и в нём мелкие зелёные таблетки.

– И как самочувствие? – снова спрашивает приятель, как будто сам не видит, что самочувствие у бабульки плохое, да и оно заканчивается уже, судя по всему.

Однако бабушка, несмотря на бледность и одышку, довольно подробно и внятно излагает ему своё самочувствие. И как ей плохо, и как ей дышать нечем, и прочее и прочее.

– Как скоро это началось? – спрашивает приятель, а сам пульс у бабки меряет. – Сразу после приёма или чуть погодя?

Бабушка отвечает, что почти сразу. И начинает закатывать глаза. А женщина, дочь её, что нас встречала, начинает плакать навзрыд. Прямо меня за спиной.

Приятель бабу по щекам потрепал маленько. Та глаза открыла.

Он ей говорит:

– Я сейчас быстренько домой сбегаю. Принесу лекарство. Должно помочь.

– Ой, не бросайте меня, – бабулька стонет.

– Да с вами пока мой коллега побудет, – отвечает тот и на меня показывает. – Если что, он поможет. Он хороший врач.

И, рта мне открыть не дав, поднимается, быстренько уходит.

А я остаюсь с умирающей бабушкой и её рыдающей дочкой. Один. И я не врач, а совсем наоборот – юрист.

И чё мне с этой бабушкой делать? Чем я ей помогу? А если умрёт при мне? Да, судя по всему, она и собирается.

Однако, несмотря на это, пытается со мной о своём здоровье поговорить. Проконсультироваться перед смертью. А чего я ей скажу?

– Помолчите, – говорю, – вам разговаривать вредно. Лежите спокойно. Сейчас всё хорошо будет.

А сам на таблетки эти зелёные смотрю.

«Фига се, лекарство, – думаю, – одна таблетка – и всё, конец человеку. Как же можно такое сильное средство давать людям на самостоятельный приём?»

Взял пакетик с таблетками в руки, чтоб хоть название посмотреть, а там ни названия, ни инструкции по применению, ни хрена там нет. Просто пакетик с таблетками.

Я этот пакетик с умным видом повертел в руках, вздохнул и на место положил.

– Это опасные таблетки, да? – дочка бабушкина меня спрашивает.

– Мда, – мычу, – очень сильное средство.

– Ну вот, – всхлипывает та, – доктор ей сказал на ночь принимать, а она ошиблась и утром приняла.

– Ну ничего, ничего, – говорю, – сейчас он средство одно принесёт и полегчает маме вашей.

Сам думаю: «Это что за таблетки такие: вечером – лекарство, по утрам – яд?»

А бабушка у меня тем временем начинает белый цвет лица помаленьку менять на цвет «красе в гроб кладут». И не хрипит уже.

Я ей пульс щупаю. Самого колотит внутри. Не пойму, есть у неё пульс или нету уже. Зато у самого пульс зашкаливает.

Дочка опять в слёзы:

– Ой-ой-ой, ну сделайте же что-нибудь!

Что я ей сделаю?! Ну начал ей шею растирать.

И тут, наконец-то, влетает мой приятель. В руках коробочка какая-то. Тоже без надписей.

Он вываливает себе на ладонь из этой коробочки две малюсенькие таблетки – и бабушке:

– А ну-ка быстренько давайте это примем.

Бабка глаза открыла, руку за таблетками протянула. Дочка тут со стаканом воды подскочила. Я бабке голову приподнял. И общими усилиями мы лекарство в неё ввели.

Мой приятель на часы смотрит и говорит:

– Ну сейчас должно полегчать.

И полегчало!

Гляжу, бабка задышала ровненько. Щёки розовели. На глазах ожил человек. Даже села в постели. Давай приятеля моего благодарить.

А он ей говорит:

– Я вам это средство оставлю. Если что не так опять, немедленно две таблеточки примите – и всё пройдёт.

Мы попрощались и пошли к выходу. А у дверей дочка её приятелю моему пакет-майку сунула.

Тот отнекиваться было начал. Мол, к чему это. Да неудобно, мол.

Но та настояла.

Вышли мы из подъезда. Приятель пакет раскрывает. Гляжу, а там кости с мясом.

– Суп-набором, – говорю, – тебя одарили, что ли?

– Дурак, – отвечает. – Это ж копчёные рёбра. Понюхай.

И пакет мне к носу.

Я понюхал:

– Ой, – говорю, – ой.

Он тоже понюхал. Простонал коротко от удовольствия и спрашивает:

– Игорь, нешто дадим пропасть закуске?

– Оп-па, – отвечаю, – это с чего бы мы такое и сделали?

Купили мы с ним пива в розлив и расположились прямо во дворе на столике под деревом. Тенёк, не жарко, ветёрок лёгкий. На столе копчёности, свежее холодное пиво – и все выходные впереди. Благодать! Так и помирать не надо.

После первой пластиковой кружки горьковатой, холодной, пенной амброзии спрашиваю его:

– Слушай, врач-убийца, ты на кой такие опасные лекарства людям в руки даёшь? Как они называются-то хоть?

Тот, мясо с ребра сгрызая, отвечает:

– Аскорбинка.

– В смысле? – спрашиваю.

– В самом прямом, – говорит, – витаминки это. Тут с этой чудачкой старой такое дело...

И вот что мне рассказывает. Бабушка эта на-выдумывала себе массу всяких болезней. И на-

чала от них интенсивно лечится. Глотала лекарства, порошки, микстуры без всякого разбора. И ей становилось всё хуже и хуже, что естественно. А врачам, которые в один голос твердили, что ничего у неё нет и самолечением она себя только убивает, бабушка не верила. И, натурально, убивала себя. Пока случайно не свела её судьба с моим приятелем.

Тот, поняв, в чём дело, сказал бабушке, что она самый больной в мире человек, но только лечится неправильно. А правильные лекарства, редкие и импортные, он ей достанет. И достал.

Пошёл в аптеку и купил два вида витаминки: зелёные и жёлтые. Пересыпал их в целлофановые упаковки от канцелярских скрепок и принёс бабушке. Наказал строжайше: «Пить два раза в день, утром и вечером. Но чтобы утром непременно жёлтенькую, а вечером обязательно зелёненькую. И чтоб не перепутать!»

Бабушка послушно стала следовать этому рецепту. И выздоравливала прямо на глазах! Бодрая стала, подвижная. Даже в магазины начала сама ходить, чего родные не наблюдали за ней уже года два.

Но вот сегодня утром бабулька случайно перепутала и выпила зелёную пилюльку вместо жёлтой. Обнаружив ошибку, тут же стала умирать.

– А спас ты её чем? – спрашиваю.

– Тоже витаминкой, – отвечает. – Сбегал в аптеку, купил, в коробочку без надписей пересыпал и... вуаля, – он элегантно повёл копчёной костью в сторону бабулькиного дома.

– Ловко, – говорю.

– Это плацебо, – отвечает. – В курсе, что такое?

– Примерно, – говорю. – Что-то вроде психологического лекарства.

– Ну да, – отвечает приятель, пиво прихлёбывая, – пустышка. Фальшивка. Но внуши человеку, что вот эта вот пустышка есть лекарство, он и выздоровеет. Как известно, все болезни от нервов, только триппер от удовольствия. На этом принцип плацебо и построен. Великая штука, скажу я тебе.

– Подожди, – говорю, – так бабка-то сегодня по-настоящему умирала. Какое же это плацебо?

– Ну а ты как хотел? – отвечает. – Плацебо же, оно в обе стороны работает. – Он помотал костью туда-сюда, демонстрируя направления работы плацебо. – И в обе стороны одинаково эффективно. Вон колдуны вуду говорят кому-

72

нибудь: «Ты через два дня умрёшь». И тот дурак ложится и через два дня правда помирает.

Он закуривает и начинает философствовать.

– Понимаешь, – говорит, – в широком смысле плацебо – это твоя вера. Бездумная, бездоказательная вера. Может убить, может спасти. На этом принципе все религии мира построены.

– На плацебо?

– Ну да. Все боги, сколько их ни есть, что такое, по-твоему? – он пускает колечко дыма и, проводя его взглядом, сам отвечает: – Они плацебо.

– Так он вроде всего один, – говорю.

– Кто один? – спрашивает.

– Ну бог.

– С ума, – говорит, – сошёл? Какой там один! Зараз я тебе подсчитаю, – он поморщил лоб. – Тысячи три их, если не ошибаюсь, за всю историю человечества было.

– Анчихрист, – говорю. – За такие вот слова охальные на том свете твои кости тоже коптить будут.

– После моей смерти, – отвечает, – с моими костями пусть делают всё, что угодно. Можешь хоть сам закоптить и сожрать, мне для хорошего человека не жалко. Хотя я за то, чтоб покойников кремировали. И прах в воздухе распыляли.

– Неприятно как-то, – говорю.

– Чего неприятного? – спрашивает. – Тебе уж пофиг будет, а человечеству польза.

– Какая, – удивляюсь, – польза?

– Фосфор, – говорит.

– Фосфор?

– Ну да, фосфор. Ценнейшее вещество и очень редкое. А человечество его сковывает под землёй в своих скелетах. Сколько там, – он ткнул пальцем в землю, – уже этого добра лежит! Миллионы, а то, может, и миллиарды скелетов. Как же можно так по-дурацки редкий ресурс транжирить? А так, – он взмахнул руками, – пуф-ф-ф его по воздуху. И вот наш фосфор уже в планетные химические реакции включился. Я уверен, – говорит, – когда-нибудь именно так и станут делать. В крематорий – и в воздух. Да ещё и старые кладбища раскопают и костяки сожгут.

– Ну, – говорю, – это уж ты махнул. Вот этого уж точно никогда не будет. Кладбища разорять кто решится? Поперёк всех обычаев и традиций.

– Послушай, – морщится досадливо, – да все эти обычаи и традиции сами по себе тоже плацебо. А человечество же поумнеет когда-нибудь и перестанет в плацебо нуждаться.

Во всех этих религиях, традициях, суевериях, деньгах...

– Деньгах? – переспрашиваю.

– Ну да, – отвечает, – они же тоже сейчас плацебо.

– Как это?

Он купюру из кармана достаёт.

– Посмотри, – говорит, – это же всего-навсего бумажка разукрашенная. И ничего больше. Раньше хоть золото под этими бумажками было, а сейчас вообще ничего. Кроме нашей веры, в то, что мы эти бумажки в любую секунду на что-нибудь настоящее обменять сможем. Например, на пиво, – он за кружку берётся, глотает добре. – Вот пиво – это не плацебо. В пиво глупо верить, потому что пиво я знаю. Вижу его, осязаю, обоняю и понимаю, что эффект, который оно даёт, он в нём самом заложен, а не в моей голове. Пиво объективно, деньги субъективны. Значит, они плацебо, то есть наша вера и ничего больше. А так как любую веру при первой возможности надо обменивать на знания, то пойдём в лавку и обменяем наше плацебо на вот эту вот пенную объективную реальность, бо она у нас к концу подходит.

И мы пошли. И обменяли веру на знания. А потом ещё раз. И ещё раз. К вечеру объективных знаний внутри нас было уже столько, что мой приятель заявил, дескать, возможно, пиво тоже плацебо. Как и всё остальное, ибо многие философы полагали, что абсолютно весь мир есть лишь комплекс наших ощущений, а не какая-то объективная реальность.

Как мы этот вечер закончили, я сейчас не помню. Да и тогда не помнил. Но, кажется, к теме плацебо больше не возвращались.

А вернулись мы к ней через полгода, когда загигать от болезни начал уже я сам, а не какая-то неизвестная мне ранее бабушка из дома напротив. И это была отнюдь не фальшивая болезнь.

.....

Тот Новый год я встретил так. Ночь с тридцать первого декабря на первое января прошла очень весело. А следующая ночь уже не очень. Я проснулся от дикой боли. Казалось, что вдоль позвоночника мне воткнули два раскалённых штыря, а в районе желудка поселился огромный паук, который непрерывно шевелится там и терзает меня всеми своими лапами и жвалами.

Что это такое, я понял сразу. Увы, симптомы мне были знакомые. Это приступ желчнокамен-

73

ной болезни. Не смертельно, но больно, боже мой, как больно. Врачи утверждают, что только боль от рака сильнее боли от приступа каменной болезни.

Всю ночь я жрал анальгин горстями, курил непрерывно, в особо острые моменты терзал зубами подушку, чтоб не орать на весь дом.

Скорую не вызывал. Не люблю я этого, да и по предыдущему опыту знал, что к рассвету боль должна пройти.

Долгожданный рассвет застал меня, потного и мелко подрагивающего, лежащим животом на табурете. Я всю ночь непрерывно пытался найти позу, в который было бы хоть чуть-чуть полегче, и к утру обрёл именно такую – животом на табурете, головой вниз. Прямо скажем – сильно не помогло. Но хоть что-то.

Рассвет пришёл, а боль почему-то никуда не делась. Разве что из острой превратилась в тупую, ноющую. А я всё терпел, терпел, терпел. Курил, пил анальгин, ходил, лежал, сидел. Боль не успокаивалась. Наконец, к полудню в мои оцепеневшие от длительного страдания мозги закралась мысль, что, кажется, в этот раз само не пройдёт. И я решил позвонить своему приятелю-врачу.

Набрал номер, слушаю гудки в трубке, сам думаю: «Только бы он на праздники не уехал никуда и трезвым сейчас был».

Наконец приятель ответил. Я рассказал, что со мной творится и попросил помочь.

Тот говорит:

– Слушай, я сейчас на дежурстве, освобожусь часа через два и сразу приду. А ты пока сходи поблужай.

– Чего? – спрашиваю хрипло.

– Поблужай сходи, тебе говорят, – отвечает. – Не знаешь, что это такое, что ли?

– Как, – говорю, – «поблужай»? Чем я тебе «поблужай», шарлатан ты хренов, если я уже сутки не ем ничего?

– Сделай так, – говорит. – Нагнись буквой «зю», два пальца глубже в рот и начинай пугать унитаза: «Ы-ы-ы-ы, ы-ы-ы-ы». Понял?

Я так и сделал. Вырвало меня чем-то горьким. Как я потом узнал – желчью и желудочным соком.

И боль вдруг отступила! Ненадолго, минуты на три, но ушла. И, скажу вам, за весь предыдущий год я не чувствовал себя таким счастливым как в эти три минуты. Я смог нормально ходить, нормально думать и даже предпринять более-менее нормальные действия. Например, убрать

в шкафу изрядно выпотрошенную мною за ночь подушку.

Потом боль вернулась. Но мне было уже легче. Легче тем, что не стало той безнадёги, которая до этого терзала меня вместе с болью. Я знал, что очень скоро мне помогут, а пока у меня под рукой, точнее под двумя пальцами, есть неплохое обезболивающее.

Но всё-таки эти два часа ожидания тянулись гораздо дольше, чем обычные два часа. Измотан я был изрядно, поэтому когда в дверь позвонили, я не сразу и догадался, что это за звук.

На втором звонке я всё же понял, что к чему, и рванул к входной двери.

Мой приятель меня взглядом на пороге окинул и вместо «здрассте» говорит:

– Видок у тебя – будто ты две недели бухал без отдыха.

Прошли мы в зал, где я сел на своё ложе скорби – раскладной диван и мелко дрожащими руками закурил сигарету.

А приятель мой из сумки выкладывает на прикроватный столик упаковки со шприцами, коробочку с ампулами и говорит между делом:

– Чего пера-то вокруг столько? Ты что тут, курицу ощипывал?

– Подушку, – говорю, – чуть не всю сожрал.

– Понятно, – говорит. – А чё скорую-то не вызвал?

– Да я... – начал я было отвечать, как он закончил за меня:

– ...думал, само пройдёт.

– Угу, – говорю, – почём знаешь?

– Ты не один такой. Те, которые действительно во враче нуждаются, как правило, реже всего и звонят в скорую.

Разорвал он упаковку шприца одноразового, стал его монтировать и мне говорит:

– Судя по твоему виду, тебе сейчас уже не врача надо вызывать, а священника с нотариусом. Но раз уж я всё равно здесь, попробую тебя полечить. Мне твой афедрон понадобится, так что давай, расчехляй его.

– Чего, – спрашиваю, – тебе понадобится?

– Деревня ты, – отвечает, – неколлективизированная. Афедрон – это в просторечье попа. Так что скидывай портки. Так понятно?

Пока я по просьбе друга расчехлял афедрон, сам друг вскрывал ампулу с какой-то красно-бурой жидкостью.

– Это у тебя настоящее лекарство? – спрашиваю. – Не плацебо какое-нибудь?

– И без плацебо не сдохнешь, – отвечает. – Это что-то вроде но-шпы, только лучше.

– Но-шпа, – говорю, – вроде жёлтая бывает. А эта красная какая-то.

Тот, лекарство в шприц набирая, буркнул себе под нос:

– Какой больной нынче грамотный пошёл!

Потом ампулу пустую на столик положил, струйкой из шприца вверх брызнул и мне – громко, командно-врачебным голосом:

– Давай ложись попой вверх, знаток хренов!

Поставил он мне укол. Говорит:

– Теперь лежи спокойно и жди.

– А когда пройдёт? – спрашиваю.

Он отвечает:

– Когда одна палочка и девять дырочек победят целое войско, когда король обнажит голову, а я останусь в шляпе...

– Сволочь, – говорю, – шарлатан! Тебе, небось, и амёбу не вылечить.

– Ну откуда я знаю, – говорит, – когда точно у тебя пройдёт. Тут, видишь, в чём дело. Один из камней твоих решил из желчного пузыря выйти. Ну и перекрыл тем самым желчеток. Отсюда и боли. Вот как он по желчетоку пройдёт, так боль и прекратится. Я тебе сосудорасширяющее поставил, чтоб ускорить процесс. Сейчас побуду с тобой часок, если улучшения не будет, ещё укол поставлю. А быстро я могу тебе только эвтанию сделать. Хошь, подушкой придушу?

Честно говоря, ещё утром я, возможно, и согласился бы на это гуманное предложение. Но сейчас, в надежде на исцеление, отказался.

– Как знаешь, – говорит, – но смотри, потом вспомнишь меня и скажешь: «Добра он мне желал». Ладно, валяйся, а я пойду, продолжу твоё лечение на кухне.

– Каким, – спрашиваю, – образом?

– А ты, – удивляется, – разве не знаешь народную мудрость: «Доктор сыт – больному легче».

И пошёл на кухню. Слышу, холодильник там открылся, тарелки и чашки застучали. Их там, со всяким добром, много к Новому году было.

Потом слышу, приятель мой чему-то обсценно удивился и кричит мне как-то обиженно:

– А что, у тебя на Новый год нет ничего, что ли?

– То, что ты ищешь, – кричу в ответ, – находится в морозилке.

– Ага, – отвечает.

Слышу я, дверца морозилки скрипнула, потом стекло об иней зашуршало.

И такое довольное уханье раздалось, будто у меня на кухне марсианин из «Войны миров» кровь человеческую потреблять вознамерился.

Я думал, приятель мой там же, на кухне, и попирует. Но он начал накрывать журнальный столик в зале, напротив телевизора и, что самое плохое, неподалёку от меня. Я чуть слюной не захлебнулся.

На столик явились: грибки маринованные, селёдка домашнего посола в масле и с луком, салат «Зимний», сало, крупно порезанное с мясными прослойками, чесноком благоухающее, холодец говяжий и к нему горчица, магазинная нарезка мясных деликатесов, ну и бутылка водки, инеем покрытая. А рядом со всем этим, в кресле, приятель мой – с такой мордой довольной, что мне в него кинуть чем-нибудь захотелось. Сам-то я не в состоянии был к этому пиру присоединиться. Хотя после столь бурной ночи и не менее бурного дня выпить хотелось очень. Аппетита не было, а вот расслабиться организм просился.

А мой приятель именно с расслабления и начал. Налил себе стопку водки тягучей, морозной. Выпил махом и кусок сала в рот кинул.

– Ох, благодать! – говорит.

– Слушай, – спрашиваю его, – а на кухне ты пожрать не мог?

– Не-а, – отвечает и наливает себе ещё, – там никак. Во-первых, на кухне телевизора нет. А во-вторых, мне нужно контролировать состояние умирающего.

И снова выпил.

Я слюну сглотнул и бурчу:

– Ты бы тормознулся с водкой.

– Тебе жалко? – удивляется он.

– Да не жалко, – морщусь досадливо, – трагизм на здоровье. Тут другие причины.

– Назови, – говорит, – мне хоть одну причину, по которой мне нельзя напиться вечером второго января, да ещё и на халяву.

И делает жест, отрицающий даже теоретическую возможность существования таких причин.

– Да ты ж, – говорю, – через час опять лечить меня собрался. Как ты это делать-то будешь с пьяной мордой?

– А-а-а, вон ты о чём, – говорит и закуривает.

Потом затаился сладко и продолжил:

– Не волнуйся. Я тебе операцию тут делать не собираюсь. А иглой в задницу как-нибудь и в спиртосодержащем состоянии не промахнусь. Тем паче в данном случае это сделать невоз-

можно, эва какой ты себе афедрон отрастил. С закрытыми глазами не промажешь.

– На свой, – ворчу, – посмотри! В кресло еле еле помещаешься.

– Так, – он меня строго спрашивает, – большой, я не понял, мы лечиться будем или жопами меряться?

И, очевидно от обиды, выпил ещё.

Потом кусочек холодца горчицей смазал, на вилку его и в рот.

– Слушай, – говорит, – хохму. Вчера вечером была. Ребята со скорой рассказали.

И рассказывает мне такую историю. Из окна «гостинки», с третьего этажа, выпала женщина. Не пострадала, только ссадины заполучила. Наверно, потому, что пьяная была, трезвая бы точно покалечилась. На помощь ей, конечно, никто и не подумал прийти. Ну это уж как у нас заведено. Но скорую кто-то вызвал. И на том спасибо. Экипаж был неподалёку, поэтому подъехали почти сразу. Видят: в сугробе молодая женщина. Лет двадцати пяти. Пьяная. На голое тело надет мужской пиджак, олимпийские штаны и... ласты.

Медики её, разумеется, спрашивают: «А почему в ластах-то?» Она окинула их взглядом, потом задумчиво посмотрела куда-то вдаль, махнула рукой и сказала: «А-а-а, вам не понять».

За этим рассказом приятель мой ещё рюмочку опрокинул. Я слюну сглотнул, на него гляючи, и проворчал:

– Написано, что евреи спаивают русский народ, а у нас зараз наоборот получается.

– Первый раз, – говорит он, салом вкусно кусывая, – наблюдаю, чтоб каменная болезнь давала такой симптом, как антисемитизм. Случай, в литературе не описанный. Надо бы...

Но, что ему «надо бы», он так и не сказал, потому что по телевизору вдруг запела Таисия Повалий. По-украински запела.

– О! – говорит мой приятель. – Ридна мова. Давай послушаем.

Как песня закончилась, он задумчиво выпил и говорит:

– Не слышал ни одного языка, который бы так для песен подходил, как украинский.

– А ты его знаешь, что ли, – удивляюсь, – украинский-то?

– Я, – отвечает, – ещё и иврит знаю. Как мне всё надоест, махну на историческую родину. А мову-то знаю, конечно. Как там у поэта...

И он процитировал:

– ...Видпознав я, шо вы добри, благородны люди, бо шпана по-украински розмовлять не будэ...

– Фига себе, – говорю. – Какие стишки ты знаешь. Мазепа что ли, писал?

– Нет, – отвечает. – Это знаменитый современный детский поэт, фамилию, правда, не помню. Стих про то, как киевский постовой отличал хороших людей от шпаны. А я ж не шпана какая-нибудь, а хороший и благородный человек, потому и знаю мову. Да чего там знать-то? Если ты русский язык хорошо знаешь, считай, что две трети украинского тоже знаешь. И белорусского, – подумал и добавил: – Ну и половину польского заодно.

– Так откуда же, – спрашиваю, – там языковая проблема?

– Её нет, – отвечает. – Языковая проблема – это плацебо своего рода, только вредоносное. Пустышка. А реальная проблема в том, что русские не знают русского языка, а украинцы – украинского.

– Не знают? – переспрашиваю.

– Да, не знают, – горячо отвечает тот. – У него словарный запас – слов триста, а написать ещё меньше сможет. Как ты хочешь, чтоб он другой язык выучил, когда ему ещё родной учить и учить?

– Это, – уточняю, – русскому или украинцу?

– И тому и другому, – отвечает.

Он как-то расстроено закурил, швырнул зажигалку на стол, махнул рукой и продолжил:

– Да что там об Украине? Здесь, у нас, ты думаешь, лучше? Да точно так же! Вот пару недель назад захожу в МСЭ, чего-то мне там по работе надо было...

– Куда ты, – спрашиваю, – заходишь?

– Ну, – отвечает, – это медико-социальная экспертиза. Инвалидность там дают и всё такое. Ну ты слушай дальше. Там стенд есть с образцами разных заявлений. И у стенда парень стоит и по образцу заявление пишет. Заявление на полстраницы. Знаешь, сколько он его писал? Я время для интереса засёк. Семнадцать минут! Семнадцать минут он писал текст на полстраницы! И как писал, ты б видел! Он эти буквы не писал, а рисовал. Тщательно. Как иероглифы китайские. Русский! На русском языке!!! Аж вспотел, аж язык высунул. А когда закончил, то перечеркнул свой труд наискосок из угла в угол и под чертой крупно написал: «ОБРАЗЕЦ». Потому что

именно так, блин, было написано в заявлении на стенде с образцами.

– Наркоша, – говорю, – может, какой?

– Да нет, – отвечает, – по нему не видно, чтоб наркоман там или алкаш. Выглядит свежо и одет чисто, прилично. Просто тупой. И таких, как он, в каждой сотне десяток. А ты говоришь: языковая проблема. Нет её и быть не может. Это плацебо, которое создали всякие проститутки политические и скармливают народу, который на своём родном языке пишет как на чужом. И вот в этом и есть реальная проблема. В невежестве. В людском невежестве.

– И как же, – говорю, – с этим бороться?

– Кому, – спрашивает, – бороться? Мне, что ли? Да мне оно нахрен не нужно, бороться. Хотят овощами жить, пусть живут. Не хотят, пусть книжки начинают читать. И ума наберутся, а заодно и язык выучат.

Я приподнялся и сел на диване:

– Значит, – говорю, – думаешь, вежество – невежество в том, чтобы читать не читать, заключается?

– Ну да, – отвечает. – А в чём ещё-то? В телевизоре, что ли?

– А я вот, – говорю, – сейчас расскажу тебе про одного типа, который и читает, и словарного запаса у него, как у дурака махорки. Может, ты своё мнение маленько изменишь тогда.

– Ну-ка, ну-ка, – говорит, – давай. Трави. Только ты к столу-то присаживайся. Долго мне тут одному пьянствовать? Я ж не алкаш тебе.

– А мне, – спрашиваю, – можно?

А сам к своему состоянию прислушиваюсь. Вроде болит ещё, но вроде уже и не очень.

– Ну раз зашевелился, – отвечает, – значит, можно. Давай рискнём, – наливает себе и мне. – А если что, я тебя откачаю. Массаж сердца, все дела. Давай садись, хватит валяться.

– Ну, – говорю, – раз врач разрешает...

И к столу. А приятель рассмеялся вдруг.

– Ой, – говорит, – видел бы ты сейчас свои глаза. Как они у тебя загорелись-то! Как звёзды кремлёвские!

Мы с ним поздравились. Потом я ему говорю:

– Ну вот, слушай. Попал я тут перед самым Новым годом в одну компанию. У них корпоративчик был. А там присутствовал гость. Откуда-то из Красноярска, что ли. Начальник какой-то. И, что самое интересное, обучается аж в президентской академии. Там, где управленцев готовят. Оканчивает её уже. И вот он рассказывает,

как ездил какому-то святому поклоняться. В Грецию. На остров, – я наморщился, пытаюсь вспомнить название. – Блин, вспомнить не могу. Скажи мне, и я скажу.

– Афон, – подсказывает приятель.

– Не, – говорю, – не Афон, это точно. Другой какой-то. Ладно, неважно. А важно то, что этот святой там похоронен. Веков десять уже, а может, больше. Ну и паломников к нему много. Вот среди них этот академик президентский и затесался. И так он, знаешь, умилительно рассказывал и про этот остров, и про паломников. Меня аж чуть не стошнило. А потом начал рассказывать про этого святого. И на полном серьёзе вещает, что этот святой настолько святой, что до сих пор каждую ночь встаёт из могилы, ходит по земле и делает людям всякие добрые дела. Ты прикинь! В академии человек учится! Я уж не знаю, как его голова такие мозги выдерживает, но он в это правда верит. А потом он начал рассказывать, как пошёл на могилку этого святого.

И тут меня как чёрт за язык дёрнул. Я его спрашиваю: «Днём?» Тот не понял сразу. «Что, – говорит, – днём?» Я ему: «Ну на могилки-то ты днём пошёл?» – «Конечно днём», – говорит. «Правильно, – говорю ему, – я б туда ночью тоже идти не рискнул. А то вдруг этот святой из могилы выскочит да сделает с тобой какое-нибудь доброе дело». Прикинь, он обиделся!

– Круто, – говорит приятель мой, но как-то не очень весело. – В академии управления обучается, да?

– Ага, – говорю, – вот ведь тебе – явно начитанный человек. А поди ж ты, ездит по миру, могилы целует.

– Мда-а, – тянет мой приятель, – Россией, небось, хочет управлять.

– И ещё будет, – отвечаю. – А чего: выглядит солидно, язык подвешен хорошо, мозгов нет и не было никогда, поэтому идеей «как нам обустроить Россию» имеет полным-полно. Чем тебе не депутат? Или даже целый министр?

– Да... – вздыхает приятель мой. – Как говорит мой мудрый народ, «надо ехать».

– Да брось ты, – говорю, опять по рюмкам разливая. – Ехать он собрался. Думаешь, там лучше?

Тот выпил, селёдочкой зажевал и плечами пожимает:

– Не знаю. Может, и нет. Просто есть надежда, что где-то лучше. А надежда – это хорошо.

Хотя бы и пуста. Я ведь тоже человек, а значит, тоже в плацебо нуждаюсь. Время от времени. Вот ты мне скажи, – он немного оживает, – зачем твой этот знакомый ездил в Грецию?

– Как зачем? – спрашиваю. – Могилку поцеловать.

– Ну, – говорит, – если уж у него такая тяга непреодолимая, пошёл бы на городское кладбище и целовал. Там ему хватит, пока сам в могилу не уляжется. А его аж в Грецию понесло.

– Ну и зачем, по-твоему? – спрашиваю.

– Да за плацебо, – отвечает, – на той могилке есть плацебо, а на этих нету.

– Кстати, – спрашиваю, – о плацебо. Помнишь, по лету бабку мы лечили? Как она?

– Посмотрите на него, – говорит, – мы, видите ли, лечили!

– Ну ладно, – смеюсь. – Ты лечил, конечно. Так как она? Здоровая?

– Сегодня днём была гораздо здоровей тебя, – отвечает. – Я её встретил по пути. Она скандинавской ходьбой занималась.

– Это как? – спрашиваю.

– Это, – говорит, – ходить с лыжными палками, но без лыж.

– А смысл? – спрашиваю.

– Без лыж, – отвечает, – дешевле и лыжни не надо. А впрочем, очень полезно. Ходить вообще полезно. Хоть с палками, хоть без. Так что помогло ей плацебо, – потом на меня посмотрел и добавил: – Как и тебе.

– Мне? – спрашиваю ошарашенно. – Так ты что мне вколол, гад? Витаминку какую-нибудь?

– Лекарство, – отвечает, – я тебе вколол. Хорошее. А потом вот застолье организовал с разговорами, чтоб тебя из боли выдернуть психологически, – рукой по столу и себе по груди хлопал. – Вот оно, твоё плацебо. Комбинированное.

А я вдруг ощутил, что боль-то исчезла. Вообще прошла и следа от неё не осталось.

– Спасибо, – говорю.

– Да нэма за шо, – отвечает и встаёт. – Ладно, пойду я. А ты выпей ещё. Тебе сейчас надо.

– Посиди ещё, – говорю. – Куда ты пошёл?

– Спать, – говорит, – я пошёл. Я ж не спал всю ночь, а сейчас меня прям рубит.

Начал он собираться и рассказывает между делом:

– Вот первого – второго января – самые сумасшедшие дежурства. Что у врачей, что в полиции, что в МЧС. Что характерно, сама ново-

годняя ночь всегда более-менее спокойно проходит. А вот под вечер первого января все начинают болеть, умирать, резать друг друга, гореть, как чумные.

Он оделся и протянул мне руку:

– Ну, пока. А ты выпей ещё и тоже спать ложись. Сон тебя окончательно долечит.

.....

Через год он и вправду уехал. Но не в Израиль. В марте или в апреле две тысячи четырнадцатого, как началась на Украине война, он вдруг, никому ни слова не сказав, собрался и рванул в Киев.

Там он вступил то ли в кадровые ВСУ, то ли в какой-нибудь добровольческий отряд их национальной гвардии. Хорошие врачи на войне всем нужны.

Как-то летом мы с ним списались в «Аське».

– Нет тут, – написал он мне, – ни защитников, ни захватчиков. Убийцы и бандюги и с той, и с этой стороны. Да море громких, пустых слов.

– Плацебо? – спросил я.

– Оно самое, – ответил он. – Стопроцентное. Концентрированное. Аж дышать от него нечем. Оно тут трупами воняет.

78

Он погиб в августе две тысячи четырнадцатого года. В Иловайском котле. Подробностей никаких не знаю.

Такое оно, плацебо.

Иногда лечит. Иногда убивает.

Фальшивое лекарство от фальшивых болезней.

Фальшивая война по фальшивым причинам. И только смерть настоящая.

Быть может, в нашем мире сплошных фальшивок, мире тотального плацебо, где коммунисты ходят в церковь, православные беспокоятся, как бы не повредить себе карму, а либералы любят Пиночета, где колбасу делают из муки, а муку из жмыха, где музыку сочиняет компьютер, а книги пишутся бригадным методом на конвейере, одна она, смерть, и осталась настоящей...

Потому мы так боимся её? Гораздо больше, чем боялись наши предки. Боимся не потому, что она смерть, а потому, что настоящая и нам, привыкшим к плацебо, это пугающе непривычно?

Не знаю. Нет, не знаю.

А он хорошим был человеком, приятель мой. Очень хорошим.

СВЯТАЯ ДЕРЕВНЯ (Быль третья: дорожная)

Я и мой знакомый возвращались на его автомобиле в Кузбасс из поездки в один из соседних регионов. Это было в ноябре, то есть в той самой части осени, когда «унылая пора» ещё налицо, а вот «очей очарованье» уже исчезло напрочь. Бурая земля, бурые пустые деревья, грязно-серое небо, с которого непрерывно валили то снег, то снег с дождём, то дождь без снега.

Поэтому трасса была грязная, мокрая и, как обычно за пределами Кузбасса, изрядно разбитая. Понятно, что «дворникам» автомобиля приходилось трудиться без перерыва. В какой-то момент мы обратили внимание, что «дворники» перестали смывать грязь и принялись просто размазывать её по лобовому стеклу.

Короткий осмотр подтвердил наши подозрения – кончилась вода. Конечно, это был наш промах, в дорогу автомобиль тщательней проверять надо. Но в тот момент нас это вовсе не огорчило. Вода всё-таки не бензин и не масло. И хотя мы уже давно не были молодыми наивными юнцами, но всё-таки решили, что уж литр водопроводной воды мы добудем безо всяких проблем в любом встречном доме. Почему нам такое в голову взбрело, сейчас понятия не имею.

Километров десять мы промучились с грязными стёклами, и вот в стороне от трассы, на холме показалась деревня.

Хотя нет. Слово «деревня» тут явно не подходит, в чём мы убедились сразу же, как, свернув с трассы, заехали туда. Ничего такого, знаете ли, нашего русского, деревянного, с разноцветными резными ставнями и гостеприимно распахнутыми верандами. С символическими, дощатыми заборчиками и древними лавочками на двух чурбачках обок этих заборчиков. С деревянными тротуарами, по которым неторопливо бредут, шлёпая резиновыми сапогами, местные жители, а стаи уток и гусей, оживлённо обсуждая что-то, прутся поперёк дороги, невзирая на транспорт, чем подозрительно напоминают горожан, разговаривающих на улице по мобильному телефону. Короче говоря, всего того, что всплывает в памяти при слове «деревня», здесь и близко не было.

Коттеджный посёлок – вот подходящее здесь название. Красивые домики, отделанные сайдингом, с красными, синими, зелёными черепичными крышами, несколько двухэтажных краснокирпичных хором и один трёхэтажный замок с

замковыми же стенами вокруг (правда рва и подёмного моста не было, врать не буду).

И шикарная дорога. Гораздо лучше той трассы, рядом с которой находится.

Мы остановились у первого же красивого домика, и мой приятель, прихватив пустую пластиковую бутылку из-под минералки, пошёл за водой.

Вернулся озадаченный и всё ещё с пустой бутылкой.

– Не дали, – удивлённо ответил он на мой немой вопрос.

Из второго домика он вернулся опять без воды, раздражённо швырнул пустую бутылку в салон, сказал:

– Какие-то странные суки здесь живут.

И мы тронулись дальше.

Вернувшись без воды из третьего дома, мой знакомый выматерился сквозь сжатые зубы и нервно закурил.

В четвёртом доме воды нам налить согласились, но потребовали денег, за что, в свою очередь, были посланы нами на самые дальние рубежи русского алфавита.

– Даже не знаю, есть ли смысл идти и просить, – сказал мой приятель, когда мы остановились у пятого дома.

79

Я пожал плечами, посмотрел вбок и вдруг увидел метрах в трёхстах церкви.

– Поехали туда, – торкнул я приятеля в бок. – Если уж в церкви нам литр воды не нальют, то я не знаю.

Мы свернули в проулок, ведущий к церкви, и вскоре оказались у её ограды.

– Странно как-то, – сказал мой приятель, указывая рукой на нетронутый снег, покрывавший плиточную дорожку, ведущую от ворот к церковному крыльцу.

Странности продолжились и когда мы, проложив первые следы по целине, взошли на крыльцо. Оно тоже оказалось покрыто нетронутым снегом, а двери церкви вообще были закрыты.

– Какого хрена? – спросил мой приятель у церковных дверей. – Церкви же днём открыты всегда.

Он нажал кнопку звонка, потом постучал, потом несколько раз подёргал двери за ручки.

Заперто. И тихо. Не слышно даже движения никакого с той стороны дверей.

– Пойдём отсюда, – махнул я рукой. – В такой деревне в церкви наверняка вий поселился. Оттого и заперто.

На обратном пути от церкви к машине мой приятель поскользнулся на мокрой от снега плыточной дорожке. Это не прибавило ему любви к человечеству.

– Ну народ у нас пошёл. Ну народ, – возмущался он, когда мы всё ещё с грязным лобовым стеклом и без воды вернулись на трассу. – Собаки, не люди. Не то что воды дать, а помирать на улице будешь – не подойдёт никто.

– И помрёшь – не подойдут, – добавил я. – Вон в ... – я назвал крупный западносибирский город, – два дня труп на улице лежал. Не на центральной, правда, на боковой. И все знали, что это труп. Просто местные службы никак не могли между собой решить, кому именно его вывозить. Переписку оживлённую вели. Если бы в Интернет история не попала, он, наверно, и по сей день там бы лежал.

– Вот это по-нашему, – согласился приятель. – Всем на всё и на всех пофиг.

Тут нас на большой скорости обогнал джип и жирно обдал грязью наш лобовик.

Мой приятель изрыгнул проклятие, которому позавидовал бы и пророк Иезекииль, а старик знал толк в этом деле.

Пришлось нам останавливаться и губкой стирать слой грязи со стекла. Без воды получилось только немного расчистить небольшую амбразуру перед водительским сиденьем. Однако было очевидно, что такими темпами мы невесть когда до Кузбасса доберёмся. Вода была нужна, вода.

Ещё километров через двадцать мы опять увидели деревню. На этот раз без всякого сайдинга. Классическую такую деревню. Мы направились туда.

Остановились у не самого богато выглядящего дома.

– Небогатые люди отзывчивей, – объяснил мне этот выбор приятель.

Взяли мы бутылку и пошли в избу. Там нас ждал небольшой сюрприз. Дело в том, что хозяином дома оказался местный священник. Он так и вышел на крыльцо – в подряснике и с крестом. То ли со службы пришёл, то ли всегда так ходит.

Мы спросили воды.

– А чего воды-то? – удивился батюшка. – Давайте, я молочка вам парного.

Рассмеявшись, мы объяснили, что пить хотим не мы, а наша машина. Священник понял, в чём дело, сказал, что воды мы можем набрать сколько пожелаем, но продолжал настаивать, чтоб мы всё-таки зашли и выпили молочка.

Приятель мой согласился, а я не рискнул пить незнакомое молоко на дальнюю дорогу и отговорился тем, что не люблю молока.

– Тогда чаю, – предложил хозяин.

Чай мне крыть было нечем. Мы зашли в дом и прошли на кухню. Помимо чая и молока, на стол явилась домашняя выпечка. Ватрушки с творогом, плюшки, политые мёдом, какие-то калачи, маленькие пухлые пончики. Удивительно, сколько всего можно изготовить, умеючи, из обычного теста.

– Всего тридцать вёрст проехали, – сказал мой приятель, держа в руках ватрушку размером с суповую тарелку, – а как в другой стране оказались.

Наш хозяин спросил, почему это у нас такое ощущение. Ну мы и рассказали ему и про сайдинговую деревню, и про гостеприимных её обитателей, и про запертую на замок церковь. Заодно и спросили, не в курсе ли он, почему там церковь-то заперта и безлюдна.

Оказалось, батюшка был в курсе. И рассказал нам историю и той деревни, и той церкви. Рассказ его со всеми подробностями получился длинным. Поэтому, читатель, я вам сейчас перескажу его покороче и своими словами.

Значит, дело было так.

Стояла в былые времена на том месте деревенька. Был там колхоз, но в упадок он стал приходиться ещё во времена СССР. После СССР колхоз окончательно исчез, а с ним вместе практически сошла на нет и деревня.

Однако благодаря своему очень удачному месторасположению в начале двухтысячных практически умершая деревня возродилась. Теперь там не колхоз, конечно, а коттеджный посёлок.

Не олигархи там живут, а так – верхний слой среднего класса.

Очень они там красиво отстроились. И всё бы хорошо, но не было в посёлке церкви. А без церкви с незапамятных времён село селом не считается.

Устроил верхний слой среднего класса народный сход и единогласно постановил – церкви быть: «Скинемся всем верхним слоем среднего класса и построим». А один житель как раз строительный бизнес имел. Так он в порыве охватившей всех благодати пообещал, что он на общественные деньги церковь и построит. Причём по себестоимости. А это, считай, практически вполнину дешевле. Ну или не вполнину, я смету-то не смотрел, но и так ясно, что дешевле.

Все дружно сказали этому человеку, что он молодец, и постановили начать стройку.

Начали.

Однако как только фундамент был положен, все тут же пересмотрели свои взгляды на этого строителя. Он им показался не молодцом, а гадом каким-то. Деньги требует. Говорит, голосовали, мол, за это, дак и тово... платите. Умный какой нашёлся, да? Деньги ему.

Не дали ему денег, и пришлось человеку достраивать церковь уже на свои. Он, конечно, поmaterил верхний слой среднего класса, но достроил.

И церквушка очень хороша получилась. Небольшая, уютная, красивая.

Все довольны остались. И даже опять сказали строителю, что он молодец. Что он им в ответ сказал, не знаю.

Ну что ж, церковь есть – нужен священник. Попросили епископа, прислали им попа.

Священник был старенький, но хороший. Душевный, добрый. Но имел один небольшой недостаток. Запойный он был. А запойные люди, они как пьют? Они ж нормально не могут. Они если ушли в заплыв, то надолго. А потом долго-долго вообще не пьют. Даже когда повод есть. Даже когда все вокруг пьют, они трезвы как стёклышко. А потом снова ни с того ни с сего нырк в заплыв.

Вот и этот батюшка так. Причём он недалеко плавал-то. Не как лайнер океанский, а скорее как портовый буксир. Ну недельку, ну дней десять. А потом опять нормально всё.

Однако пастве это не понравилось. Они тут хоть и сами, мягко говоря, трезвенниками не были, но священнику такого простить не смогли.

И жалобу епископу накатали. Дескать, что ж это, мы тут всем миром церковь строили (что они всем миром её только до фундамента довели, а дальше без мира обошлось, уже как-то подзабыли), а нам батюшку бракованного какого прислали. Хотим нового.

Ну прислали им нового. Тот был молодой. Современный. Даже спортивный. Не пил и не курил. Но имел очень страшный изъян. Вот, ей-богу, лучше бы он пил, чем такое. В общем, он имел автомобиль. В личной собственности.

Прикиньте! Поп и на машине! Совсем совесть уже потеряли эти попы. А он ведь ещё хуже делал. Он ведь не просто машину имел, а иномарку. Причём не «Запорожец». Правда, и не «Роллс-Ройс». Но всё равно возмутительно, правда?

Сами жители вообще-то не на велосипедах ездили. Но то они, а то священник.

«Не можно так, – было решено, – с таким священником, что на машине ездит, нам благодати не обрести».

И снова просьбу епископу. Не надо нам, дескать, таких попов, что на поганских колесницах катаются.

Удивительно, но им прислали третьего священника! Тот был ну совсем молодец. И не пил. И на машине не ездил. Даже на всякий случай велосипеда не имел.

Да и откуда у него деньги на машину или велосипед, если у него с матушкой восемь детей? Мал мала меньше.

И поначалу весь верхний слой среднего класса был очень этим батюшкой доволен: «Наш-то, наш-то, глянь, и семейный, и непьющий, и ногами ходит, аки апостол Пётр».

Вот только в скором времени сельяне обнаружили, что батюшка апостолу Петру не только в способе передвижения подражает. А ещё и в том, что рыбачит.

Как Пётр до того, как стал апостолом.
И сетью.

Как Пётр до того, как стал апостолом.

На этом сходство сельского священника с апостолом Петром заканчивалось. Ибо Пётр рыбу ловил на продажу, а священник этот, чтоб семью кормить.

Но ведь сетью! А это ведь браконьерство!!!

Такого жители стерпеть не могли. И накатали жалобу. Отдадим им должное, всё-таки не в полицию, а опять епископу.

Убрали от них и этого священника. А посылать больше никого не стали. Епископ понял, что этим праведникам нужен кто-нибудь типа Сергия Радонежского (хотя, по мне, лучше туда бы Торквемаду), а таковых у него не было.

И осталось село без попа. Только на праздники приезжает батюшка из города. Отслужит праздничную службу – и быстрей-быстрей из этой обители праведников.

Праведники же в целом довольны. А чего, церковь есть, стоит себе, пейзаж украшает. А зачем она ещё нужна, они и раньше не особо ведали.

Единственно, кто остался недовольным, это тот, кто церковь на свои деньги построил. Она на нём до сих пор как недвижимое имущество числится. И приходят ему каждый год с налоговой вежливые, но многозначительные напоминки о том, что налог на недвижимое имущество и в этом году пока не отменили.

Вот такая история.